

Вадим Чирков

Страна недописанных сказок

Переехав из Одессы в Кишинев, я начал писать повесть-сказку, видя перед собой то покинутый город, то кого-то из ее обитателей.

*

Однажды я переступил трещину на асфальте, похожую на топографическую реку, переступил – и оказался в Стране недописанных сказок. В стране было всего два города, стоящих на берегу Синего моря, – Мускат и Купат. В одном жили виноделы, во втором – колбасники. Там-то и начались мои знакомства с необыкновенными людьми их необыкновенными приключениями.

Когда Мускат зажжет вечерние огни, чудится, что на землю опустилась звездная вселенная. И еще кажется, что все далекое вдруг стало совсем близким.

В порту покачиваются светлячки высоких корабельных мачт. Маяк силится поджечь густую, как нефть, темноту, а она все не горит. А маяк все не теряет надежды одолеть ее – и так до самого утра. Над крышами летит музыка... и идет-бредет походкой усталого человека вечер дня, который опять закончился благополучно.

– А завтра... что-то будет и завтра, – хочется сказать. – Все будет завтра!

Все, кроме того, что будет рассказано еще сегодня.

Видали ли вы город без своего Замечательного Рассказчика? Этакое бродяги, чудака, ловкача, что ни шаг попадающего

во всевозможнейшие переплеты и переделки (вам они и не при- снятся) и с блеском выпутую... выпутувую... – тьфу! – это слово труднее выгововри... выговорить, чем нашему ловкачу выпутать- ся из переплета! В общем, нет на свете города без такого челове- ка, а Мускат, спешу вас заверить, никак бы без него не обошелся.

На дверях дома Замечательного Рассказчика табличка с над- писью «Буб Енчик». Но в Мускате его зовут Наш Енчик, и он даже рад этому.

Как выглядит Буб Енчик? Если вы успели нарисовать его себе розовощеким кругленьким веселым человеком, то я вас должен огорчить. Енчик высок и сутул, у него густые брови, из-под кото- рых на собеседника глядят внимательные глаза, худая шея, боль- шие руки и грустная улыбка. И он всегда счастлив видеть у себя гостей, которые приходят послушать его рассказы об удивитель- ных приключениях.

Вот одна из его многочисленных историй.

Спасительное слово

– Однажды во время морского путешествия, – начинает Ен- чик, и все мгновенно замирают, потому что нет ничего интерес- нее, чем Енчиковы морские рассказы, – мы с капитаном стояли на мостике и беседовали о светильах, по которым моряки опреде- ляют место корабля в море. Капитан говорил и говорил, а я ждал момента, когда смогу вставить хоть слово. А капитан увлекся. Он расхаживал по мостику, дымил трубкой, жестикулировал и, кажется, перестал даже меня замечать. Путеводных звезд ров- но девяносто девять, ясно, что рассказывать о них можно долго. И вдруг небо качнулось в моих глазах: я слишком перегнулся, опи- раясь на планширь, – и полетел за борт.

– Созвездие Стрельца имеет форму натянутого лука, – услышал я на лету.

Всплеск – я начал быстро погружаться в морскую пучину. Баш- маки тянули меня на дно.

– Прощай, созвездие Стрельца, – сказал я горько, – прощай, Ен- чик, прощай, Мускат...

Но тут я заметил, что мои слова, заключенные в мелкие пузырьки воздуха, стремительно уносятся вверх. Я прикрыл рот. «В этом твое спасение, – мелькнула мысль, – скорее реши, Енчик!»

– Яисамсебяспасу-у-у-у-у-у-у! – произнес я громко, насколько это было возможно в воде, спасительное слово. Пузырь вышел на славу!

Я ухватился за него обеими руками и через минуту был вынесен на поверхность, где уже курсировала шлюпка.

Капитан встретил меня на мостике.

– Вот и вы, – сказал он, – я рад вас видеть живым, Енчик. Вода холодная? Так вот: созвездие Стрельца интересно еще и тем...

– Я весь внимание, – сказал я, снимая пиджак, чтобы выжать из него воду...

Удивительная страна

Когда вся компания отсмеялась и часы пробили одиннадцать, Буб Енчик спохватился:

– Снова я увлекся! Опять меня разбранят завтра за ваше позднее возвращение домой! – этой фразой Знаменитый Рассказчик предупреждал слушателей о конце интересного вечера. И хотя все знают, что будет еще одна история – она приберегается под конец, – Енчика все же упрашивают.

– Ладно, ладно, – соглашается он, – расскажу вам о том, как я однажды побоялся, что буду выглядеть смешным без шляпы...

...В одном из путешествий я встретился с удивительным народом – все были одинакового роста. Дети, вырастая, сравнивались с родителями, все макушки были на одном уровне – ни на миллиметр выше, ни на сантиметр ниже. А правитель, чтобы хоть чем-нибудь отличаться от остальных, носил высокие каблуки – и был выше всех на пять сантиметров.

Моя же голова возвышалась над толпой. И как-то раз правитель вызвал меня к себе и предложил укоротиться.

– Наверное, мы сделаем так, – рассуждал он вслух, глядя на меня. – Снимем с тебя голову...

– Чудесная идея, – поддержал я правителя, – но на чем же я буду носить шляпу?

Правитель задумался.

– Тогда, – решил он, – надо укоротить тебе ноги.

– Тоже неплохо, – приветствовал я его остроумие, – но куда я дену все мои красивые носки?

Правитель почесал затылок и посмотрел на потолок.

– Признаюсь тебе, Буб Енчик, мне никогда так долго не приходилось думать, – вымолвил он наконец, – но ничего другого, кроме отсечения, не приходит в голову.

– Позвольте мне тогда уехать, – предложил я выход из положения. – Согласитесь, что без шляпы и носков я буду выглядеть просто смешным!

– Да, да, конечно, – обрадовался правитель, – это будет смешно. А мне, знаешь ли, не до смеха, ведь я очень-очень занятой человек! Уезжай, Енчик, так будет лучше!

И я покинул этот удивительный народ и был рад, встретив на корабле людей, которые были и выше, и ниже меня. Прощаясь, я помахал провожающим шляпой, а потом крепко нахлобучил ее на голову. Я не хотел с нею, с головой, расставаться.

Крах карьеры Енчика

Поздно вечером я пошел в порт.

Острый запах моря, маяк, силуэты судов у причалов, подвижные огни над водой и отражение их в черной масляно плещущей воде, звоны, скрипы, музыка, доносившиеся с кораблей (они кажутся особыми, из другой жизни, не похожей на твою), близость огромного темного и немного страшного моря – и я понял, какая это роскошь – позволить себе пойти ночью в порт.

Одному.

Это было самое нескучное одиночество, более того – оказалось, долгожданное, даже скажу – чем-то плодотворное.

Мелочь, крошево мыслей, суета дня топтались где-то там, позади, перед входом в порт. Я долго стоял у причала, слушая звуки порта, вдыхая его запахи.

Ни о чем особенном я не думал, но мне было хорошо видеть перед собой порт – ворота в Море, в Новое, в Завтра.

И когда захотелось посидеть, и я поискал глазами кнехт, и увидел кнехт недалеко от себя, а на нем сидящего человека, я, видимо, насытившись уже одиночеством, решительно направился к нему.

Я шаркнул подошвой, чтобы сидящий узнал о моем присутствии, – он обернулся.

– С приездом, – услышал я. – Садитесь рядом. Будете курить?

Это был Енчик!

– Спасибо, Енчик, – сказал я. – Давайте ваши сигареты.

Лучшего собеседника не могло и быть!

Некоторое время мы курили, курили молча, заменяя одинаково неторопливыми движениями руки с сигаретой и общим наблюдением за огнями на воде те обязательные слова, которые должно произносить при встрече. Потом настал черед говорить, и Енчик начал (он сперва усмехнулся и лишь затем начал):

– Вы тоже, наверно, привыкли к тому, что я рассказываю все только веселые истории?

– Я как раз ожидал, что вы расскажете, наконец, грустную, – ответил я. – По-моему, к этому шло.

Енчик склонил голову набок, словно проверяя услышанное.

– Тогда нам обоим повезло: на сегодня у меня только грустное.

– А вам хочется рассказывать? Может, просто поговорим? Или помолчим?

– Нет. Я привык рассказывать. Мой разговор – это рассказ. Все остальное для меня неинтересно. Но если вы...

– Что вы, Енчик, – я слушаю!

– Это случилось... – начал Буб Енчик обычным для себя голосом, – это случилось... не так далеко отсюда. Я искал дом моего нового приятеля и долго плутал узенькими переулками, пока не попал на прямую незнакомую улочку с высокими каменными заборами. Я пошел по ней, не видя никого, чтобы спросить, я шел наудачу.

Улица окончилась тупиком. Я остановился перед высокой стеной с плотно пригнанной железной дверью. Я почему-то не по-

вернул назад, а стоял и смотрел на дверь. Я раздумывал, что же мне делать дальше.

И вдруг дверь заскрипела! Она стронулась с места и... стала падать на меня. Не отворяться, а падать, но медленно, как... Дверь, Алексей, падала, или, вернее, опускалась, как средневековой опускной мост навстречу рыцарю, стоящему перед ним.

Енчик покосился на меня – не улыбаюсь ли я ненароком. Я не улыбался.

– Я увидел: на меня выезжает укрепленный на двери, нацеливается, растягивая гармошку, огромный фотоаппарат! Я не двигался с места, глаз фотоаппарата, играя радугами, гипнотизировал меня. Мне стало страшно, но я словно врос в землю, застыл.

Аппарат остановился, подержал меня под прицелом... Клац!

Меня кто-то подхватил, перевернул вверх тормашками, швырнул в глаз фотоаппарата, который каким-то образом раступился передо мной, и в то же мгновение я оказался лежащим на земле.

Я поднял голову: я находился по ту сторону стены. Аппарат складывался сам по себе, дверь, очевидно, закрывалась.

Я почувствовал, что со мной не все в порядке. Я осмотрелся, пощупал себя... Алексей, вы не поверите – я стал плоским!

Я лежал на земле, плоский, как лист фотографического картона, как игральная карта, как все плоское на свете.

Я попытался встать, но ветер швырнул меня вниз.

Теперь я должен буду приспособливаться к любому ветерку – сделал я первый вывод.

И стал размышлять дальше. Я лежал на спине (я был снят анфас), смотрел в небо (надо мной проносились обыкновенные белые облака) и думал.

Ходить мне придется все время боком. Бочком. (Я буду похож на крадущегося вдоль стены человека – ну-ну...)

И вот еще что: какое у меня сейчас выражение лица? Что на нем написано? А вдруг оно было в тот момент, когда я пролетал сквозь фотоаппарат, испуганным, как у воришки, застигнутого врасплох? Или просто глупым? Ведь я не знал, что со мной произойдет, я не подготовился... Что, если аппарат

перебросил меня сюда случайно, а здесь у всех надутые чванные рожи – фотоаппарат не был для них неожиданностью, – и я со своей испуганной физиономией буду среди них... ну вы понимаете.

Да и быть плоским, ходить боком, носить на лице раз и навсегда написанное выражение – этого для меня предостаточно, чтобы сказать: я пропал. А когда я подумал, что плоскими скоро станут и мои ощущения, мои мысли, мои шутки, мое сознание, я похолодел. Я заледенел – вот словно поточнее...

Вдруг я почувствовал, что меня берут; фотографию Буба Енчика кто-то взял двумя пальцами – я совершил перелет. Меня стали вдвигать в ряд других фотографий в длинном ящике, и я услышал голос:

– Дьявольщина! Этот где-то успел покоробиться!

– Который?

– Да новенький же! Глянь-ка – ну и вытаращился он!

– Нда-а... Слушай, а не выкинуть ли нам его? За такого не похвалят.

– И в ряд не влезает...

– Выкинь. Олух, сразу видать.

– Так и сделаю.

Я снова совершил перелет и шмякнулся – я шмякнулся, Алексей, потому что у меня вновь появилось тело, – оземь. Я вскочил и побежал по улице с высокими заборами, не оглядываясь. Я мчался, как спринтер, я летел, будто за мной гнались с собаками.

Я опомнился, только когда выбежал на широкую людную улицу. Я отряхнулся, оглянулся, я вздохнул – глубоко, глубоко – и пошагал. Я шел и гримасничал: я улыбался, изображал на лице печаль, гнев, усмешку, презрение, боль – все что угодно, но больше – радость.

Енчик вдруг рассмеялся. Он захохотал и повернулся ко мне весь, положил большие свои руки мне на колени.

– А знаете, что спасло меня от того длинного ящика, от той чертовой картотеки, в которую меня вдвигали и не вдвинули? Ни за что не догадаетесь!

– Что, Енчик?

– Моя сутулая спина! Из-за нее я не втиснулся в ряд! Поняли теперь?

Енчик все шлепал и шлепал ладонями по моим коленям, мы оба хохотали.

Раскачивались, посмеиваясь вместе с нами, огоньки на мачтах, плясали, покатываясь со смеху, огни на воде – все смеялось во-круг, и смеялась, плеща в мол, волна.

И я еще раз подумал: какая это все-таки роскошь – позволить себе пойти ночью в порт!

– Енчик, – вспомнил я все же, – но ведь вы обещали рассказать грустную историю!

– Она и есть грустная, – ответил Енчик. – Даже очень. Разве вы не заметили? Ведь тот ящик, в который я не втиснулся, был, возможно, началом моей карьеры! Той, где я перестал бы быть самим собой! – и Енчик снова великолепно на весь ночной порт расхохотался.

Сложил я планету...

В один из давних-давних моих вечеров я подумал (мне показалось, открыл), что шагами дано измерить то, что не меряется ни метрами, ни часами. Открытие было сформулировано так:

Любовь шагами
Мерю до утра,
Бродя один
Кварталами ночными...

Я долго не мог в те вечера лечь спать, оборвав ради сна счастливое непрекращающееся чувство любви.

То стихотворение не было дописано, та любовь – и слава богу! – не была измерена. Она вырастала с каждым шагом, с каждым ночным кварталом, пока не стала большой, как город.

И теперь я люблю этот город, его улицы, переулки, запахи цветущей акации – запах счастливого свидания, золотые

полоски трамвайных путей, убегающих за угол высокого темного дома, фонари, в чьем свете я вижу качание листвы на тротуаре, отчего у меня кружится голова – все, все я люблю в том городе!

Еще я полюбил в нем предутренний час, ту короткую пору до восхода солнца, которая состоит из очень немногих, но важных вещей:

Из улицы спящей и стука моих каблуков,
Из первого шума листвы – взъерошило ветром каштан,
Из птичьего вскрика спросонок (и снова стучат каблуки),
Гудка парохода из порта, похожего на мычанье коровы проснувшейся,
Дымки, в которую город пока еще погружен,
Из первого блеска стекла –
Из вечных, короче, вещей.
Поняв, что люблю,
Вдохновенно
Сложил я планету,
Мой дом для меня и любимой –
Из вечных и прочных вещей,
Увиденных до восхода,
Отмеренных шагом моим...

С тех-то пор и появилось у меня открытие: шаги как мера неизмеримого, шаги как мера всех вещей.

Открытие было при мне, хотя нельзя сказать, чтобы я им пользовался часто или всерьез...

Письма с острова Гризоль

Из повести «Джек и Боб, пираты Атлантики»

Пират Джек живет и работает в газете в Одессе, корсар Боб живет в Москве и учится в шестом классе. Оба на самом деле заняты поисками разбойничьего клада на необитаемом острове, что в Атлантическом океане. Будучи ненадолго разлучены, они

переписываются, не забывая, к какому славному воинству принадлежат.

Вот два письма Джека, посланные Бобу по голубиной почте.

Остров Гризоль, июнь 2010 г.

Старина Боб!

На острове жара стоит такая, как когда-то в Арисси, где мы с тобой ныряли за жемчужными раковинами. Ох и пекло, Боб! За глоток лимонада с кусочком льда в кабачке мамыши Дисо я бы отдал половину того, что мы наскребли здесь... А это немало – даже без очков видно, что это немало!

Что-то от жары я стал болтлив, даже самого главного не успел сообщить. Ну так вот. Слушай.

Слонялся я раз по берегу и искал вчерашний день. Ты ведь знаешь, как это делается: суешь в песок ногу, как в калошу, и шевелишь пальцами на манер черепахи, которая ищет место для кладки яиц. Так и я – совал, совал, пока не нащупал... угадай что? Хоть тресни, не догадаешься!

Нащупал я вовсе никудышную книжонку по арифметике... Что с ней делать? Полистал я ее, полистал, набрел на какой-то пример и сдуру стал его решать.

Учи, Боб, я чувствовал себя не лучше, чем цыпленок на вертеле. И вот я сочинил ответ и для чего-то ляпнул его вслух. И тут же услышал над собой чей-то скрипучий голос, который объявил мне, что «профессор Дифференциал к вашим (то есть к моим) услугам...».

Я со страху, что у меня удар, закрыл глаза и сунулся в песок.

А голос опять:

– К вашим услугам – господин Дифференциал!

Тут я вскочил и увидел толстенького джентльмена с книгой под мышкой и очками на длинном носу. Он кланялся мне и говорил, что-де с этого момента принадлежит произнесшему закланение и прочее. Пока он раскланивался, я протирал глаза и думал только о том, как бы удрать от наваждения. В конце концов джентльмен пошел на уступки и разъяснил мне, в чем дело.

Оказывается, толстенький господин подчиняется правилам арифметики. Стоит кому-нибудь решить из этой книжки,

что я нащупал ногой, тот пример, как он должен предстать перед ним ниже травы и так далее. Зовут его просто Ференц, а «ди» и «ал» он добавляет ради амбиции. Он предложил задать ему самый трудный пример из арифметики, чтобы тут же решить, – кроме этого, он ничего не умеет. Но у меня никакой задачи не было уже, а помочь мне отыскать вчерашний день, как ты сам понимаешь, не смог бы даже Ференц. И я разрешил ему погулять вдоль бережка и подождать, пока я придумаю задачу.

И тут наконец она пришла ко мне, эта благословенная мысль!

Старик! Что, если я пришлю Ференца к тебе? Ты тогда быстро разделаешься с математикой и приедешь к нам: ко мне и к Виду, чтобы довести наше дело до конца. А, плоская камбала? Здорово я придумал? Хватай листок бумаги и побыстрее отвечай мне, а профессора я займу парой пустяковых задач с неправильными ответами – пусть поломают голову.

*С тем будь крепок.
Жму краба, твой Джек.*

Старина Боб!

У нас все по-прежнему, кроме того, что заходил на своей шхуне какой-то бродяга-капитан по имени Босси Кит. Его ребята были настроены довольно мирно и встреча обошлась без выстрелов, хотя я и Вил держали пушки наготове. Босси Кит рассказал мне, что ты устроился рулевым на небольшой посудине и через месяц будешь в Бруке. Обойди тебя шторм, Старик!

Вечером капитан и его ребята развели на берегу костер, спустили со шхуны бочонок рома и скоро стали петь. Мы с Вилом были неподалеку, нас увидели и пригласили к костру. Ах, какие чудные песни они пели! Жаль, из первой, длинной, грустной и страшной одновременно, мы услышали только часть:

Пока твои зубы
Не стали зубами скелета –
Скалься!

Приятеля шутке,
Хоть рожа изрублена, –
Скалься!
Летишь ли на леере
На борт враждебный –
Скалься!
Как скалится сабля твоя
На противника,
Скалься!
И если на рее окажешься,
Ветром качаемый, –
Скалься!
Да так, чтобы корчило тех,
Кто на палубе скалится,
Скалься!..

Потом парни спросили, знаю ли я какую-нибудь толковую песню. Я взял гитару и спел нашу с тобой любимую. Когда-то мы пели ее с Железным Гуго, славным джентльменом удачи, но, увы, он уже там, где только волны и волны... Если ты ее подзабыл, вот тебе слова – спой на досуге, вспоминая меня:

Лулу, подружка, прикрой глаза:
Сегодня кружка, а завтра за...
А завтра за борт швырнет волна,
Вдогонку буркнет: «Тебе хана!»

Скрипит наш румпель – туга вода,
Над головою свистит беда,
И черти складно дудят в дуду –
Пророчат черти мою судьбу.

Лулу, родная, спеши плеснуть,
Нам всем здесь крышка, уж лучше пусть
Глоточек рома – он круг в воде,
Случится чудо – не быть беде.

А как не выйдет – прощай, моряк!
Ты потерял, знай, совсем пустяк.
Что жизнь пирата – дымка клубок,
Волна прибоя, весла гребок.

Вил, как всегда, чудит. Позавчера он отмочил такое, что я, конечно, не в силах молчать. Хоть и разбирает меня злость, а все ж хорошо! Старая добрая шутка не покидает нас.

Историю с ружейными стволами ты знаешь. Но Вил на этом не остановился. Пока я спал после обеда в палатке, он пошел в бухту, поймал там небольшую – метра полтора – черепаху и знаешь, что придумал? Ни больше, ни меньше, как привязал меня к ней! За мою правую ногу, Боб!

Мне снилось что-то вроде того, что я бот, севший на мель, и что меня зацепили за корму и стаскивают с песчаной косы... Я чувствовал, что скрипят мои шпангоуты и что мой киль трещит по всей длине... А этот весельчак колотил черепаху по панцирю и орал во всю глотку!

Чем это кончилось, ты догадываешься. Я понял наконец, что я не бот, а чурбан, и попробовал вскочить. И шлепнулся, потому что Вил вспрыгнул на черепаху, и она дернула веревку.

Через час мы варили суп из этой бедняги, и единственное, о чем я жалею, – не было рядом тебя. Суп был отличный! Когда ты приедешь, я покажу тебе панцирь...

Я и Вил продолжаем наше дело.

Ту штуку, что я тебе послал, мы расшифровали только наполовину. Жаль, что ты не помог нам. Тебе ведь карты в руки, ты знаком с цифрами, а я умею лишь двигать секстаном да попадать из моего «Людвига» в самую мелкую в мире монету. В мелкую, Боб! Иногда мне кажется, что это не совсем то, что я хотел бы уметь...

Итак, старина, дело движется к концу. К твоему приезду, я думаю, все будет готово. Пробоины в борту «Натаниэли» заделаны, скоро на ней будет мачта. Твоя каюта будет, как и раньше, около форпика, иллюминатор выходит на правую скулу. Готовься, Боб, готовься!

*С тем будь крепок.
Жму краба, твой друг Джек.*

P. S. Еще один рундучок я все-таки нашел, но в нем была всего лишь горсть пиастров и кучка пустых раковин от мидий. Это на-смешка, Боб! Но меня они не проведут! Я копаю и копаю, и чувст-вую, что близок к сундуку, полному золота и драгоценностей. По-сылаю тебе рисунок злополучного рундучка.

США

